

А.П. Заостровцев

*к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)*

ПОСТИГАЮЩИЕ ИСТОРИЮ: ОБЗОР КОНЦЕПЦИЙ РАЗВИТИЯ (о книге Д.Я. Травина «Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии»)

Аннотация. В статье представлена рецензия на книгу, в которой её автор развернул широкую панораму теории модернизации. Это действительно очень полезная работа, раскрывающая разные взгляды на глобальную картину развития и отсталости. Изложение неплохо структурировано, что позволяет объединять в отдельных главах концепции авторов, описывающих ту или иную составляющую этой картины. Как энциклопедический справочник книга крайне необходима для всех, кто желает за короткий промежуток времени вникнуть в то, что автор именует исторической социологией. В то же время он не просто кратко излагает чужие концепции, но и даёт им свою оценку. И этот факт позволяет провести критический анализ взглядов одного из ведущих в России специалистов в области модернизации. В нём показано, что противоречивая реальность сделала не менее противоречивой и теорию. Ряд стран, которым пора бы уже становиться демократическими, упорно не хотят этого делать. Автор книги, следуя своему видению, пытается всё-таки отстоять теорию модернизации и старается обойти этот вопрос. Его аргументы в пользу сохраняющей актуальность модернизации противоречивы, но, надо признать, заставляют задуматься и искать контраргументы. В книге часто делаются выводы применительно и к России. Автор полагает, что процесс модернизации в ней раньше или позже, но успешно завершится. Он решительно отторгает определяющее влияние культуры на исторический процесс и формы его осуществления. Poleмика с этим и рядом других спорных утверждений не перечёркивает его достижения в области построения эффективной структуры изложения материала, демонстрации отличной осведомлённости относительно концепций многих авторов, включая ряд ведущих экономистов-институционалистов. Книга даёт возможность быть в курсе современного положения дел в области институциональной истории как сравнительно нового направления исследований.

Ключевые слова: *историческая социология, модернизация, институты, культура, империи, революции.*

JEL: N10, N40, O10, Z13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_142_155.

Дмитрий Травин — пожалуй, самый известный в России исследователь модернизации. В начале века вышло его (в соавторстве с Отаром Маргания) двухтомное исследование «Европейская модернизация» [Травин, Маргания, 2004]. Через несколько лет издаётся сокращённое, но обновлённое исследование той же проблемы [Травин, Маргания, 2011]. Особенности современного состояния модернизации, ставшей благодаря левым западным социологам постмодернизацией [Гидденс, Сатон, 2021. С. 33–38], рассматриваются Травиным в работе «Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России» [Травин, 2011]. Как видим из названий работ Д. Травина, их автор равнодушен к российской реальности.

Более того, проработав с ним более 10 лет в Центре исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, рецензент берётся утверждать, что Россия является конечной целью всех его исследований. В этом плане, в первую очередь, следует указать на книгу «Почему Россия отстала?» [Травин, 2021]. В ней, вопреки вытекающим из названия ожиданиям, о России сказано не так много, но вскоре последует продолжение (2-й том). При этом автор и ранее неоднократно обращался к российским проблемам. Им, например, почти целиком посвящена его монография [Травин, 2016] и совместная наша книга [Травин, Гельман, Заостровцев, 2017].

Знакомство с автором будет неполным, если не обратить внимание на его критику идеологии «особого пути» России [Травин, 2018]. Сам он придерживается преимущественно классической теории модернизации, которая при всех допускаемых её адептами оговорках строится на универсализме — признании некоего общего будущего землян, базового единства их политико-экономического и социального уклада, несмотря на сохранение ряда второстепенных различий в его организации. В этом плане марксизм можно назвать самой радикальной из всех теорий модернизации.

Какое значение имеет это вступление для характеристики рецензируемой книги? Дело в том, что, представляя собою то, что в зарубежной англоязычной литературе именуется *handbook* или *guide*, работа Травина не исчерпывается лишь систематизированным обзором взглядов видных авторов. В ней постоянно демонстрируются собственные воззрения автора. Такое случается, наверное, только в России. Хорошо это или плохо, сказать трудно. Во всяком случае, бесспорным плюсом является то, что изложение построено таким образом, когда представление собственной точки зрения, по большей части, не мешает пониманию принципиальных положений концепций других авторов.

В чём главная ценность книги? В сущности, это — первый оригинальный (в смысле не переводной) путеводитель по исторической социологии. Причём в этот разряд попадают и работы самых известных экономистов в области институциональной экономической истории (Дуглас Норт, Барри Вайнгаст, Джон Уоллис, Александр Гершенкрон, Фридрих фон Хайек, Мансур Олсон, Рональд Коуз, Нин Ван, Дарон Аджемоглу, Джеймс Робинсон, Джованни Арриги, Грегори Кларк, Эрик Райнерт, Роберт Аллен, Лоуренс Харрисон, Дипак Лал и даже Егор Гайдар с Владимиром Мау). 17 из 60 имен — экономисты (по крайней мере, по их академическому статусу). Больше четверти — это немало. Что же касается определения исследовательской области, то её, на взгляд рецензента, было бы лучше именовать просто институциональной историей. Хотя в обзоре фигурируют и отдельные авторы, которые не уделяли центральное внимание развитию институтов в историческом времени. В любом случае обилие экономистов является одним из обоснований важности рассмотрения книги Травина в экономическом журнале (сам он по образованию — экономист).

Начнём с главного достоинства книги. Она даёт ценный материал для преподавания. Вряд ли, например, курс «Институциональная экономика», где рассматриваются темы, связанные с изменением институтов в историческом ракурсе, будет полноценным без обращения внимания к ней. Если обучающемуся надо быстро получить представление о сути концепций Дугласа Норта, Мансура Олсона или Дарона Аджемоглу с Джеймсом Робинсоном, то — добро пожаловать. Не менее полезна книга и для преподавателей. Часто они плохо знакомы с работами выдающихся исследователей в смежных областях. Экономистам может мало что говорить имя Парсонса, а социологам — Норта.

Наряду с этим выделим как несомненное достоинство охват книги. Она раскрывает много разных сторон анализа развития общества, что отражено в её структуре по главам. В ней семь глав и каждая из них посвящена какой-либо большой проблеме. Начинает автор с «Великого расхождения» (отрыва Запада от остальных народов мира) и заканчивает теорией революций и борьбы. Для экономиста наибольший интерес, наверное, будет представлять третья глава — «Институциональный анализ».

Следует сразу указать на одну особенность — Травин анализирует только переведённые на русский язык книги. Это усиливает доступность его произведения, что конечно же неплохо. Ведь широкий читатель в лице любителей истории не станет искать источники на английском языке, если захочет более обстоятельно познакомиться с материалом. Тем более что в России они нередко просто ему недоступны. В то же время заметим, что из списка переведённой на русский язык литературы совсем незаслуженно выпали, как минимум, три фамилии. Это Стефан Хедлунд, Эрнандо де Сото и Дейдра Макклоски.

В первом случае мы имеем как прекрасную критику неоклассического мейнстрима (особенно применительно к проблеме экономики развития), так и не менее замечательную институциональную историю России [Хедлунд, 2015]. Во втором случае речь идёт о решающей значимости легального признания прав собственности для преодоления отсталости [де Сото, 2001; де Сото, 2008]. Что же касается Макклоски, то из трёх томов её трилогии переведён, к сожалению, только один том [Макклоски, 2018]. Однако и в нём есть весьма важное утверждение о том, что «буржуазные ценности», их признание обществом — это источник современного экономического роста. Более полно эта идея развёртывается во втором и третьем томах трилогии [McCloskey, 2010; McCloskey, 2016], но, тем не менее, и первый том имеет значение. «Моя апология капитализма, — пишет она, — строится на демонстрации буржуазных добродетелей. Я хочу убедить вас в том, что именно они являются причиной и следствием современного экономического роста и современной политической свободы» [Макклоски, 2018. С. 28].

Перечень имён показывает, что автор не ограничился зарубежными авторами. В таком случае упущением является отсутствие в путеводителе книг Рустема Нуреева и Юрия Латова [Нуреев, Латов, 2010; Нуреев, Латов, 2016]. В них на основе базовых понятий институциональной экономики (зависимость от пройденного пути, институциональная конкуренция, неформальные и формальные институты), а также развитой ими такой категории, как власть-собственность, раскрывается история России [Заостровцев, 2017]. Можно вспомнить и о работах Александра Ахиезера¹, Игоря Клямкина и Игоря Яковенко [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, 2005], Ольги Бессоновой [Бессонова, 2015], Светланы Кирдиной [Кирдина, 2014], Николая Розова [Розов, 2011] и школы Овсея Шкаратана [Россия как цивилизация..., 2015; Нова ли новая..., 2016].

Автор рассматриваемой монографии может возразить, что большинство из перечисленных выше российских авторов (а из зарубежных — Хедлунда) он представил в своей более ранней книге [Травин, 2018]. Однако, на взгляд рецензента, ничто не мешало включить хотя бы часть из них в главу 6 «Вне мейнстрима». Особенно школу Шкаратана, о которой в книге об «особом пути» почти ничего не сказано (вскользь упоминается лишь одна статья лидера школы). При этом надо заметить, что она в своих главных воззрениях была куда ближе к истинному познанию России, чем приглашенные теории модернизации, для которых характерен не только универсализм, но и прогрессизм (неоправданный исторический оптимизм или то, что по-английски именуется *wishful thinking*²).

Пропустим главу 1, повествующую о «великом расхождении», и перейдём сразу к главе 2. Начинается она с классической теории модернизации Парсонса. Ключевой фигурой оказывается Самуэль Хантингтон (ему уделено больше всего внимания). И далее следуют Мартин Липсет и Уолтер Ростоу. Не проходит автор и мимо Габриэля Алмонда

¹ Кроме указанной автором рецензии коллективной монографии, необходимо выделить двухтомник А.С. Ахиезера — *Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта*. Т. I.: Социокультурная динамика России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. *Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта*. Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. — *Прим. ред.*

² На русский язык это словосочетание можно перевести очень точно не совсем литературным словом «хотелки».

и Сиднея Верба. Завершает главу обращение к пересмотренной теории модернизации Рональда Инглхарта³.

Из знакомства со второй главой складывается картина того, как поначалу довольно стройная теория превратилась в некий конгломерат довольно противоречивых суждений. И это превращение произошло не в силу слабости более поздних авторов в логике, а в силу давления объективных обстоятельств.

В сущности, теорию модернизации основал ещё Макс Вебер, охарактеризованный Травиным в первой главе. Это отмечает и он сам: «По сути дела, именно от концепции рационализации Макса Вебера происходит современная теория модернизации» [Травин, 2022. С. 32]⁴. Однако весь «несущий каркас» теории модернизации был сконструирован Парсонсом, что также хорошо освещено автором. Схема такова: отталкиваясь от Вебера, Парсонс определяет модернизацию как переход от традиционного общества к обществу, основанному на рациональности (ещё его называют «современным»). Рациональность требовала изгнания божественной природы власти (её легитимации за счёт обращения к богу) и построения власти, подчинённой закону. Однако закон этот должен определяться самим обществом (отсюда требование представительной власти, демократии) и защищать права человека: неприкосновенность его личности и собственности. А дальше по Парсонсу мир на основе такого закона (по-русски, лучше было бы сказать — права) идёт к развитию свободного предпринимательства с минимальным государственным контролем. Таким образом, на выходе процесса модернизации получаем конституционную демократию плюс свободный рынок.

Красивая и логичная теория. И с наступлением краха социализма казалось, что история завершается безоговорочной победой модернизации. В том смысле, что у идеологии либерального порядка (да, по большому счёту, и его практики) не осталось более никакой жизнеспособной альтернативы. «...Триумф Запада, триумф западной идеи, проявляется прежде всего в полном истощении некогда жизнеспособных системных альтернатив западному либерализму» [Фукуяма, 1990. С.85]⁵.

Далее в книге Травина интерес представляет обращение к Хантингтону. В частности, подчёркивается разделение им понятий «модернизация» и «вестернизация» (с. 86). И делается следующий вывод. В виду значимости приведу его целиком.

«Отстающие в деле модернизации цивилизации, с одной стороны, заимствуют то, что необходимо им для экономического развития, но с другой — переходят к агрессивной риторике (а иногда и к агрессивным действиям) в отношении тех, у кого они многое заимствуют. Иными словами, они берут на вооружение то, что не могут не брать, но при этом отвергают то, без чего, как им представляется, можно обойтись. Более того, они иногда стремятся даже навязать другим свое видение мира» (с. 87).

³ Некоторые представленные во второй главе исследователи опущены в этом перечне.

⁴ Далее страницы из этой работы приводятся в круглых скобках без ссылки на источник. — Прим. ред.

⁵ Вершиной теории модернизации в 90-е гг. прошлого века стала так называемая транзитивистика. Речь шла и о переходной экономике, и о переходном обществе в целом. Всемирный банк даже стал издавать регулярный бюллетень (newsletter) Transition, в России в 1990 г. был основан Институт переходной экономики (сейчас Институт экономической политики им. Е. Гайдара) и несколько позже курс «Переходная экономика» даже вписали в стандарт подготовки студентов экономических специальностей. В классификатор JEL были внесены два раздела (P2 и P3), именуемые «Социалистические и переходные экономики» и «Социалистические институты и их переход» (transition). Под словом «переход» имелся в виду, конечно, переход к рыночной экономике и демократии. К настоящему времени слово «переходный / переходная» практически полностью вышло из употребления. Дело здесь, как увидим далее, совсем не в прошедшей моде, а в реальности, которая оставляет демократии всё меньше места. Рынок же всё более и более политизируется, подпадает под государственное влияние. И этот процесс идёт в глобальном масштабе.

В этой интерпретации Хантингтона Травиным видится краткое и очень вразумительное описание того, что рецензентом было названо адаптивной модернизацией в отличие от модернизации в форме вестернизации [Заостровцев, 2020. С. 147–157]. В столкновении двух типов модернизации проявляется конфликт между тем, что в указанной монографии обозначено как два антагонистических глобальных социальных порядка — силовая цивилизация противостоит правовой цивилизации.

Однако тут сразу возникает вопрос: а что тогда остаётся от концепции модернизации по Парсонсу? Обратимся к современному Китаю. Весьма успешная адаптивная модернизация и близко не сопровождается заимствованием институтов конституционной демократии (вестернизацией). Однако внедрение этих институтов органично входит в общее определение модернизации⁶. Сторонникам классической концепции модернизации остаётся только одно: упорно утверждать, что когда-нибудь в будущем эти институты обязательно появятся. Ждите!

Включение в главу о модернизации Сеймура Липсета не связано с тем, что он писал о модернизации. Он о ней почти не писал. Он выдвинул постулат о причинной зависимости демократии от уровня благосостояния (с. 89). Однако в дальнейшем многие на Западе взяли его в качестве определения сути модернизации. Согласно им, если рост экономического благополучия ведёт к демократизации, то теория модернизации верна; если не ведёт — то нет. И далее вся полемика отталкивается от исходного признания именно такого понимания модернизации [Заостровцев, 2020. С. 58–77]. Очевидно, что исходя из него доказать наличие модернизации становится всё труднее и труднее⁷.

Как уже было сказано выше, глава о модернизации завершается концепцией Инглхарта. Называется этот раздел «Демократия как побочный продукт творчества». Автор книги почему-то не использует то определение, которое дал сам Инглхарт применительно к своей теории: пересмотренная (revised) теория модернизации. И освещает её, надо сказать, не полно. Так, почти не уделяется внимание тому факту, что веберовская рационализация сегодня на практике не работает: в большинстве стран традиционные ценности усиливают свои позиции и теснят секулярность [Инглхарт, 2018. С. 90]. Обращается внимание лишь на то, что смена ценностей выживания на ценности самовыражения (по Инглхарту) реализуется в демократии.

И тут в рассматриваемой книге делается попытка распространить этот вывод на Россию (с. 125–126). Смена поколений приведёт к демократии. Поскольку придёт новое поколение с преобладающими ценностями самовыражения. Правда, делается оговорка, что только при условии, если экономические трудности, а то и катастрофа, не закрепят в качестве доминирующих ценности выживания.

Что тут можно сказать? Вечная надежда на молодых очень характерна для старых русских либералов. Однако не пришлось бы в очередной раз разочароваться. Полезно вспомнить, как социолог Лев Гудков* описывал замысел многолетнего исследовательского проекта «Человек советский», появившийся еще в перестройку и начатый Юрием Левадой: «Мы думали, что будем описывать смену поколения советских людей с соответствующими установками и вхождение в жизнь молодых людей, не знающих, что такое дефицит и партсобрание. Но уже в середине 1990-х стало ясно, что всё не так однозначно. А в 1999 г. мы поняли, что советский человек никуда не уходит» [Гудков*, 2017].

⁶ Сам Травин постоянно включает демократию в одну из главных характеристик модернизации [Травин, Маргания, 2004. С. 40; Травин, 2019. С. 18].

⁷ Исследующий состояние демократии V-Dem Institute в своём докладе констатировал, что уровень демократии в мире в 2021 г. откатился на уровень 1989 г. Диктатуры находятся на подъёме и охватывают 70% населения Земли [Democracy Report, 2022]. При этом уровень жизни в мире вырос. В постоянных ценах 2017 г. по паритету покупательной способности глобальный ВВП на душу населения увеличился с \$ 9 680 в 1990 г. до \$ 16 911 в 2019 г., или на 75% [Statistics Times, 2021].

Принципиальное возражение вызывают рассуждения автора о марксизме, расизме и теории модернизации (с. 64–66). В их лице он видит три глобальных теории, объясняющих развитие и отсталость. То, что не замечается известное идейное сходство марксистской теории и теории модернизации, это ладно. Горячему апологету последней — вполне простительно. Но вот что касается расизма! «Некоторые учёные, — пишет Травин, — могли исходить из того, что есть культуры (курсив мой — А.З.), способствующие развитию, и культуры, препятствующие ему» (с. 65). Такая позиция объявляется далее наукой в кавычках и, разумеется, расистской. Нет сомнений в том, что эрудированный интеллектуал отлично знает, что такое расизм. Обвинение в духе современной левой идеологии политкорректности призвано «покончить» с оппонентами не в академической дискуссии, а посредством наклеивания ярлыков.

Что мы имеем в итоге? Все, кто не разделяют единственно верную (научную) теорию модернизации, — либо марксисты, либо расисты. «Культурные расисты», но всё равно расисты. Для того чтобы убедиться в ложности вышеприведённого утверждения Травина, не надо перелопачивать множество академических книг и статей по проблемам влияния культуры на проводимую политику, а также экономические, научные и прочие достижения. Достаточно сравнить основные показатели развития Израиля и Ирана с 1980 г. (иранской исламской революции). Разве культура тут совсем ни при чём?

В продолжение разговора о культуре уместно перейти к оценке третьей главы, где исследуется институциональный анализ. Начинается обзор с Норта и продолжается затем Аджемоглу и Робинсоном. В первом случае внимание сосредоточено на работе Норта с соавторами [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011], а в последнем — на двух наиболее известных книгах творческого тандема [Аджемоглу, Робинсон, 2015; Аджемоглу, Робинсон, 2021]. Из работы Норта, Уоллиса и Вайнгаста автор делает вывод, что культура не важна: главное, это соотношение сил внутри элиты, которое в случае их равновесия создаёт эффективные институты. Выгоднее договориться на основе компромисса, чем жрать друг друга с непредсказуемым результатом. В принципе, в этом положении есть доля истины, но остаётся не ясным, почему такое равновесие веками не складывается за пределами того, что привычно называют Западом.

Неслучайно Травин уделяет недостаточно внимания основной работе Норта (в последней указанной работе трёх авторов очевидно преобладание видения двух его соавторов) «Понимание процесса экономических изменений». В ней же Норт, в частности, пишет: «Культура общества есть кумулятивная структура правил и норм (а также убеждений), которую мы наследуем из прошлого, которая определяет наше настоящее и влияет на наше будущее» [Норт, 2010. С. 20]. Эта фраза чрезвычайно нагружена смыслами. Во-первых, в ней даётся краткое определение культуры, а во-вторых, показывается, что именно она формирует то, что в институциональной экономической теории названо зависимостью от пройденного пути или «эффектом колеи» (path dependence). Если следовать классификации теорий развития Травиным, то Норта за такое суждение точно надо зачислить в «культурные расисты».

В чём проблема понимания Норта Травиным? Она видна из его размышлений относительно соотношения значения институтов и культуры (с. 129). Норт действительно, как отмечает Травин, выводит институты на первый план (кстати, здесь присутствует единственное обращение к его индивидуальной книге), но при этом в рецензируемой монографии игнорируется нортское деление институтов на формальные и неформальные. «Институты — это правила игры — как формальные, так и неформальные, а также характеристики их применения» [North, 2008. P. 22]. Неформальные институты первичны; они более устойчивы и в значительной мере определяют институты формальные. «...Формальные институты, — отмечает Владимир Автономов, — становятся реально действующими только при легитимации неформальными, прежде всего моральными нормами, действующими в обществе» [Автономов, 2016. С. XII].

Норт не отождествляет культуру с неформальными институтами напрямую. Однако в дальнейшем такое отождествление было сделано другими авторами [*Alesina, Giuliano*, 2014]. И действительно, если вникнуть в даваемые экономистами определения культуры⁸, что же отличает ее от неформальных институтов? Можно констатировать, что ничего.

Таким образом, в представлении Травина, разделяющего институты и культуру, институты — это только формальные институты. А раз так, то полностью отбрасываются неформальные институты, суть которых и составляет всё та же культура. И он «вычищает» её всякий раз, как только обнаруживает её появление в чьих-либо рассуждениях. Аджемоглу и Робинсон критикуются за ссылку на наследие демократической культуры германцев (с. 142-144). Достается также Фукуяме за то, что он стал говорить «об идущем из глубины веков уважении европейцев к закону» (с.169). И даже культовый для Травина автор — Гайдар — подпадает под критическую оценку за некоторые положения его работы «Государство и эволюция». Речь, в частности, идёт о заявленном в ней отсутствии традиции глубокой легитимности собственности в России (с. 181).

Позволю себе всё это прокомментировать. Действительно, влияние демократической культуры германских племён на европейскую цивилизацию — вопрос дискуссионный⁹. Но это не означает, что такая гипотеза не имеет права на существование только потому, что здесь речь идёт о культурном влиянии. Аналогично можно сказать и о приведённом выше тезисе Фукуямы. Для Травина очень характерно утверждение о том, что Великая хартия вольности (1214 г.) почти не повлияла на дальнейшее развитие Англии. Почему? Поскольку в Венгрии примерно в то же время был принят похожий документ, и он ей, в конечном счете, «ничего хорошего не дал» (с. 51). Речь, как можем догадаться, идёт о Золотой булле короля Андраша (1222 г.).

Во-первых, это очень странная логика. Если реформы Мустафы Кемаля (Ататюрка) в XX в. в Турции оказались успешными (об этом можно говорить, несмотря на «ползучую исламизацию» при Реджепе Эрдогане), а несколько позже похожие реформы шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви — нет, то отсюда не следует, что первые не оказали никакого влияния на исторический путь и современное состояние Турции.

Во-вторых, обратимся как к арбитру — к русскому философу Георгию Федотову, по своему образованию историку-медиевисту, специализировавшемуся на Западной Европе. В статье «Рождение свободы» он пишет о роли средневековых свобод как предтечей современной свободы в Европе (в отличие от России, где ничего подобного не было) и особо выделяет роль Великой хартии вольностей. Говоря о ней, он указывает на распространение со временем заложенных в ней свобод сверху вниз: «То, что было раньше привилегией сотен семейств, в течение столетий распространилось на тысячи и миллионы, пока не стало неотъемлемым правом каждого гражданина» [Федотов, 1991. С. 261].

И наконец, оценка Гайдара. Разумеется, автор волен в своих мнениях. И он прав, что между двумя книгами Гайдара («Государство и эволюция» и «Долгое время») имеется серьёзное расхождение в трактовке ряда ключевых вопросов развития. Только в отличие от Травина, есть основания считать, что это был не научный прогресс, а, напротив, отход

⁸ Под культурой Мария Харари и Гвидо Табеллини понимают «преимущественно нормативные ценности о том, что такое “правильно” и что такое “неправильно” и как “должно” себя вести в данных обстоятельствах...» [*Harari, Tabellini*, 2015. Р. 246]. Согласно Джерарду Роланду, «культура — это набор ценностей и убеждений, которые люди имеют по поводу того, как работает мир (как природный, так и социальный), а также нормы поведения, вытекающие из этих ценностей» [*Roland*, 2020. Р. 415]. Эти определения культуры, по сути, есть и определения неформальных институтов.

⁹ Интересно отметить, что совершенно независимо от Аджемоглу и Робинсона, петербургский историк Даниил Коцюбинский тоже выделяет демократическую культуру германских племён как главный фактор, породивший правовые начала европейского социума. Правда, в отличие от Аджемоглу и Робинсона, он не признаёт демократизирующего влияния древнеримской (античной) культуры [*Коцюбинский*, 2019].

с правильных позиций в угоду политико-экономическому мейнстриму. Почему он имел место, можно только догадываться.

Несмотря на столь обширный поток критических соображений в адрес автора, следует указать, что они не свидетельствуют о каких-то недоработках. Это просто принципиальное расхождение рецензента во взглядах с Травиным. В целом же, в информативном плане, глава имеет несомненную познавательную ценность. Когда излагаются чужие мысли, то делается это квалифицированно, со знанием дела и, подчеркну, очень доступно для простого ценителя такой литературы.

В четвёртой главе перечисляются те теоретики, которые видят решающие причины прорыва к современному миру не в появлении хороших институтов, но в чём-то другом. Не станем пересказывать здесь её содержание. При желании к ней можно (и даже нужно) обратиться. Укажу только на три аспекта.

Во-первых, когда автор описывает весьма оригинальную концепцию Яна де Фриса, согласно которой человечество обязано перелому в количественном и качественном росте потребления, он снова вытаскивает на свет идеологию смены поколений. «...Думается, что в свете теории Яна де Фриса Россию тоже ждут позитивные перемены по мере смены поколений» (с. 206). Смысл такой позиции заключается вот в чём: «потребительская революция» со временем вынудит привычную к удовлетворению своих возросших потребностей молодёжь оказывать давление на правительство в направлении модернизации. Иначе возникает угроза достигнутому и, с некоторых пор, уже привычному уровню потребления.

По расчётам, даже на основе новой методологии Росстата, реальные доходы населения в 2021 г. были ниже таковых в 2013 г. на 3,8%. Если же исключить 2021 г., то и на целых 6,7% [*Росстат*, 2022]. Конечно, «смена поколений» укладывается в не очень понятные временные рамки. Однако пока давления не отмечается.

Во-вторых, нельзя не согласиться с тезисом о положительной роли секуляризации, который выдвигается на основе обращения к концепции Рэндалла Коллинза. «...Доминирование бюрократизма над клерикализмом способствовало развитию» (с. 223). И относится это не только к Германии, которую анализирует Коллинз.

Применительно к современной России говорится о том, что «церковная бюрократия взяла многие недостатки бюрократии партийной и добавила к ним ещё свои собственные — те, от которых аппаратчики не страдали» (с. 224). В поддержку этого тезиса замечу от себя, что научно-техническая модернизация в СССР была относительно успешной отчасти благодаря очищению массового сознания от религиозных догм. Культ науки и техники подавлял апелляцию к высшим силам и ориентировал на познание естественных законов. И неважно, что этот культ был обусловлен потребностями милитаризации. От этого он не терял своей способности ориентировать человека исключительно на собственные возможности («никто не даст нам избавленья») и не ждать «милости небес».

В-третьих, Коллинз отмечает важную роль образования в модернизации. В ответ на это в рецензируемой книге правомерно отмечается, что образование образованию рознь. И опять обращается внимание на опыт СССР. Если естественно-научное и техническое образование было поставлено на достаточно высокий уровень, то в сфере гуманитарной наблюдался полный провал: знания подавлялись идеологией. В результате «советский человек... плохо адаптировался к переменам» (с.224). Имеется в виду переход к демократии и рынку.

Пятая глава книги названа «Вне мейнстрима» и открывает её не кто иной, как Фридрих фон Хайек. Вполне заслуженно. И в качестве его вклада в экономику развития верно отмечается его видение спонтанности перемен. Нет никакого «генерального штаба», который бы заседал и планировал модернизацию. Однако, говоря о роли идей австрийской экономической школы в понимании истории, нельзя было обойтись без Людвиг фон Мизеса и его выдающейся работы «Теория и история». Ему, в частно-

сти, принадлежит по нынешним временам абсолютно неполиткорректное, но от этого несколько не менее верное (а, скорее, именно потому и верное) определение необходимого условия успешной модернизации:

«Многие представители этих (отсталых — А.З.) народов заявляют, что они хотят скопировать только материальную культуру Запада, но даже это сделать только постольку, поскольку это не будет противоречить их местным идеологиям и не подвергнет опасности их религиозные верования и обычаи. Они не понимают, что перенимание того, что они уничижительно называют всего лишь материальными достижениями Запада, несовместимо с сохранением их традиционных обрядов и табу, а также их привычного образа жизни. Они впадают в иллюзию, что их народы могут позаимствовать технологию Запада и достигнуть более высокого материального уровня жизни без того, чтобы сначала в процессе Kulturkampf (культурной борьбы — А.З.) избавиться от мировоззрений и нравов, унаследованных от их предков» [Мизес, 2007. С. 299].

Далее Мизес подчёркивал, что «материальные и технологические достижения Запада вызваны философиями рационализма, индивидуализма и утилитаризма» [Мизес, 2007. С. 299]. Как видим, Мизес здесь бескомпромиссен: либо вы радикально меняете свою культуру, вестернизируетесь; либо ничего у вас не получится. Так что никакой «множественности» модернизаций (модной до сих пор концепции, предложенной в 60-е гг. прошлого века Шмуэлем Эйзенштадтом) [Эйзенштадт, 1998] для него не существует.

Другой вопрос, а прав ли он, занимая столь жёсткую позицию? Оппонент этой точки зрения обязательно вспомнит про Китай, но, как знать, ведь в первой половине 60-х гг. прошлого века и СССР выглядел чуть ли не глобальным технологическим лидером. Полёты в космос, атомные электростанции, водородная бомба. Тем не менее известно, чем всё это закончилось.

В полемике с Лоуренсом Харрисоном Травин прав во многих частностях, поскольку тот вставляет культуру повсеместно, куда надо и куда не надо. Это позволило ему сделать следующий общий вывод: «Культурные теории исключают (как и конспирологические) необходимость анализа множества сложных исторических фактов» (с. 247). На самом деле «культурные теории» признают только то, что культура является главной детерминантой развития и отсталости, но, конечно, далеко не единственной. Об этом говорит возможность выхода из исторической колеи. Примеры у всех на слуху, но, в первую очередь, следует выделить Тайвань. Он, кстати, полностью подтверждает мысль Мизеса.

В анализируемой части книги хватает оснований согласиться с её автором и принять практически все его аргументы, относящиеся к критике разного рода «новых левых»: Эрика Райнерта, Дэвида Гребера, Юваля Ноя Харари. В части его критического отношения к Кристиану Вельцелю можно тоже заметить много справедливого. На взгляд рецензента, ориентация на географическую среду у Вельцеля совершенно искусственно пришта к его схеме (в народе про такое говорят «белыми нитками») и его общая логика рассуждений прекрасно обошлась бы и вовсе без неё.

Всегда легче писать о том, с чем не согласен. А не согласен рецензент, во-первых, с некритическим отношением автора к теории гуманитарной революции Стивена Пинкера, во-вторых, с игрой за глобалистов против нативистов при обсуждении работы Ивана Крастева. О Пинкере рецензент впервые узнал на одной из дискуссий в Европейском университете в Санкт-Петербурге, когда в ответ на тезис его доклада о том, что дело идёт к острому конфликту силовой и правовой цивилизаций, вплоть до прямых военных столкновений, прозвучал удивлённый комментарий одной из студенток: так ведь в мире снижается уровень насилия! Сказано это было с такой убеждённо-

стью, как будто речь шла о законе всемирного тяготения. В ходе дискуссии был назван и источник такой уверенности — тот самый Пинкер. Элементарное статистическое сравнение XIX и XX вв. покажет, что его стремление вывести некий универсальный закон натолкнулось на суровую реальность. И вошло в острое противоречие с ней.

В ходе анализа концепции Крастева неизбежно встал вопрос о глобализации. И тут Травин, имея в виду глобалистов и нативистов, отмечает: «Одни ломают стены и строят современную экономику, другие возводят стены, стараясь как можно дольше уберечь от зарубежной конкуренции старые заводы и старые рабочие места» (с. 267). Глобализация и свободная торговля вместе с таким же движением капиталов, в принципе, прекрасные вещи, если только стоять на позиции чистого «экономизма» и отвлечься от реальности. А реальность такова: страны силовой цивилизации используют всё это для разрушения и подчинения альтернативной цивилизации, той, что мы привыкли называть Западом. Если предоставить полную экономическую свободу китайской фирме Huawei оснащать мобильной связью 5-го поколения страны Европы, то по истечении стольких-то лет им придётся выполнять указания ЦК КПК из Пекина. В конце концов, до поры до времени российский газ тоже был очень дешёв.

Что же касается миграции — массовому притоку мигрантов из отстающих в развитии стран в благополучные страны, то здесь Травин вроде как на стороне компромисса: принимать рабочую силу, но не её культуру. Вот только это легче сказать, чем сделать. Отделить одно от другого трудно, если не невозможно. Культура определяет самоидентификацию человека. Легче выгнать Дуньку из колхоза, чем колхоз из Дуньки. Обострение же конфликта культур по мере роста числа мигрантов — неизбежно, поскольку «иная культура — это прежде всего – *иная система ценностей*» [Пелипенко, 2014. С. 212].

И если задуматься, а так ли уж нужна массовая миграция из неблагоприятных стран в качестве пополнения рабочей силы? Тем более в эпоху автоматизации и перспектив создания машин с искусственным интеллектом, которые в перспективе смогут справиться с уборкой улиц и вывозом мусора. Представляется, что даже чисто экономическая выгода от такой миграции сомнительна, особенно с учётом дополнительной нагрузки на социальные системы от неработающих жён и многочисленных детей.

Рецензент с интересом взялся за главу «От империй к государствам», но она несколько разочаровала. Пожалуй, только содержание трудов Пола Кеннеди и, отчасти, Чарльза Тилли отвечают заявленному названию. А вот концепции мир-системщиков (Иммануила Валлерстайна, Джованни Арриги) не совсем про то. И уж совсем не вписывается сюда Ричард Лахман. В такой главе неплохо было бы проанализировать книгу Дипака Лала «Похвала империи» [Лал, 2010] тем более, что она была упомянута ранее. Самое удивительное, конечно, что в этой главе не оказалось Егора Гайдара с его «Гибелью империи» [Гайдар, 2006]. И если уж вставлять дискурс о модернизации, то как раз здесь было бы уместно показать, что она несовместима с теократическими империями. Испания никогда не стала бы современной, если бы не потеряла свои колонии.

Наконец, заключительная глава. Начинается она с Теды Скочпол (известной своими сравнительными исследованиями революций политологом) и заканчивается почти никому неизвестным австрийским историком Вальтером Шайделем. Однако на всём протяжении главы не удалось найти главное (это, скорее, вина не автора, а тех, о ком он пишет): что же такое революция? Чем она отличается от внутренних потрясений иного вида, которые революциями не называются? Но ответа на эти вопросы нет, хотя есть масса рассуждений о причинах революций. Однако, по всей видимости, прежде следовало определить само понятие. Тут бы авторский комментарий был бы к месту.

Возьмём Россию. Есть революции 1905 г., 1917 г. (февраль) и 1917 г. (октябрь). Какая у них принципиальная общность, чтобы именовать все эти события революциями? Аналогично: все ли известные французские революции были на самом деле таковыми?

Возьмём ту революцию в России, которая не вызывает сомнений в том, что это — революция. Произошёл переворот во всех составляющих общественной жизни — политике, экономике, идеологии и много в чём другом. И, кстати, можно согласиться с тем, что она была реакцией на модернизацию, как об этом пишет, например, историк Борис Миронов (с.371–372). Однако возникает следующий нерешённый вопрос: была ли она полным разрывом с прошлым или же всё-таки «эффект колеи» сохранился? Ответ на него можно попытаться дать, но он — не для рецензии

Коснёмся ещё только одной проблемы. Крах социализма в странах Балтии и последовавшее их национальное освобождение. Травин затрагивает в последней главе и это событие. И, как ни странно, обращается к культуре. «Огромное значение для демократизации имела принадлежность балтийских народов к европейской культуре, или, точнее, их самоидентификация как европейцев» (с. 379). Трудно не присоединиться к такому мнению. В то время как рассуждение на той же странице о якобы большой роли русской интеллигенции в поддержке стремления этих народов к освобождению вызывает столь же большие сомнения.

Пора подводить итог. Книга, как уже было сказано, выполнила задачу хорошего путеводителя по исторической социологии. Среди экономистов она вызовет наибольший интерес у тех, кто занимается институциональной экономической историей. Причём, естественно, привлекут их внимание обзоры работ не экономистов (с ними они и так знакомы), а социологов, политологов и историков.

Если вернуться в начало книги, то рецензент согласился бы с исходной установкой, что «в такого рода исследованиях невелико значение математики, которой современная экономическая наука уделяет большое внимание» (с. 18). Хорошим подтверждением этому тезису служат труды Аджемоглу и Робинсона. Их статьи в академических экономических изданиях по тем же темам, что они поднимают в своих последних двух книгах, буквально завалены математикой. Это и перевод общих соображений на язык теории игр, и какие-то эконометрические расчёты, если находится соответствующая тема статистика. Однако вряд ли их аргументы звучат более убедительно в специализированных изданиях, чем в упомянутых книгах, где нет ни единой формулы. В такого рода исследованиях помогают широкая эрудиция и интуиция как способность видеть в историческом прошлом исторические перспективы, но не математические инструменты и вычисления.

В то же время путеводитель неплохо показывает, что сравнительный анализ, хоть и, несомненно, полезен, не может быть главным, а тем более единственным методом в изучении институциональной истории. Его роль часто преувеличивают. Гораздо большее значение имеет погружение в социальную среду. У социологов это называется включённым наблюдением, но оно должно быть не краткосрочным экспериментом. Необходимо долговременное постижение культурно-исторического кода общества, доминирующих в нём ментальных структур изнутри. Такое постижение и будет пониманием неформальных институтов как решающих детерминант развития или отставания. Отсюда с неизбежностью следует вывод о том, что вряд ли его можно реализовать с достаточной глубиной за границами собственной культурной среды. Не случайно в книге отмечаются довольно слабые и стереотипные суждения о России ряда представленных зарубежных исследователей.

На протяжении всей книги, как неоднократно было показано выше, её автор поднимает вопрос о модернизации в своём собственном понимании, которое близко к видению основателей теории модернизации. Его главный нарратив: путь к модернизации никому не закрыт! Включая Россию. Здесь хочется, кстати, спросить автора и про Китай.

Если речь идёт о модернизации, устраняющей укоренившиеся базовые институты и заменяющей их на институты конституционной демократии, то сразу возникает желание предупредить автора об ошибке. Её источником является то, что философ Андрей

Пелипенко определил в качестве разговора «на языке просвещенческой гуманистической антропологии с её мифологией равенства и установкой на способность всех и вся подняться и “доразвиться” до “нормальных” и “правильных”, т.е. либеральных ценностей» [Пелипенко, 2014. С. 24]. На самом деле человек человеку — культурный код. Если, конечно, люди происходят из разных цивилизаций¹⁰. И сломать этот код, заменив его на противоположный, могут только такие потрясения и такие особые стечения обстоятельств, которые редко встречаются в истории.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Автономов В. (2016). От научного редактора. Путеводитель по культуре для экономистов // Бегельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. [Autonomov V. (2016). Foreword — from the Scientific Editor. A Cultural Guide for Economists // Beugelsdijk S., Maseland R. *Culture in Economics. History, Methodological Reflections, and Contemporary Applications*]. — М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. С. IX-XIV.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. [Acemoglu D., Robinson J.A. (2015). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*]. — М.: Издательство АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор [Acemoglu D., Robinson J.A. (2021). *The Narrow Corridor*]. — М.: Издательство АСТ.
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. (2005). История России: конец или новое начало? [Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. (2005). *History of Russia: The End or a New Beginning?*]. — М.: Новое издательство.
- Бессонова О. Э. (2015). Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции [Bessonova O.E. (2015). *Market and Handout in the Russian Matrix: From Confrontation to Integration*]. — М.: Российская Политическая Энциклопедия.
- Гайдар Е.Т. (2006). Гибель империи. Уроки для современной России [Gaidar E.T. (2006). *The Death of Empire. Lessons for Modern Russia*]. — М.: РОССПЭН.
- Гидденс Э., Самтон Ф. (2021). Основные понятия в социологии [Giddens A., Sutton Ph.W. (2021). *Essential Concepts in Sociology*]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Гудков Л.*(2017). «Мы поняли, что советский человек никуда не уходит» [Gudkov L. *(2017). *We Realized that the Soviet Man Is Not Going Anywhere*] — Источник: <https://www.levada.ru/2017/07/24/my-ponyali-chto-sovetskij-chelovek-nikuda-ne-uhodit/> (дата обращения 24.10.2022).
- Заостровцев А.П. (2017). Институциональная история России (О книге Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова «Экономическая история России: опыт институционального анализа» [Zaostrovtssev A.P. (2017). Institutional History of Russia (About the Book by R.M. Nureev and Yu.V. Latov “Economic history of Russia: experience of institutional analysis”)] // Вопросы экономики. № 5. С. 136-147..
- Заостровцев А.П. (2020). Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути? [Zaostrovtssev A.P. (2020). *Modernization Debate: Common Road or Special Ways?*] — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Инглхарт Р. (2018). Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир [Inglehart R. (2018). *Cultural Evolution: How People’s Motivations are Changing and How this is Changing the World*]. — М.: Мысль.
- Кирдина С.Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию [Kirdina S.G. (2014). *Institutional matrices and development of Russia. Introduction to X-Y theory*]. — М., СПб.: Нестор-история.
- Коцюбинский Д.А. (2019). Цивилизация ресентимента. Институционально-исторический анализ русской политической культуры [Kotsyubinskii D.A. (2019). *The Civilization of Resentment. Institutional and Historical Analysis of Russian Political Culture*] // Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы / Под ред. А.П. Заостровцева. — СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр». С.109–151..
- Лал Д. (2010). Похвала империи. Глобализация и порядок [Lal D. (2010). *In Praise of Empires. Globalization and Order*]. — М.: Новое издательство..

¹⁰ Основатели классического либерализма не могли даже вообразить, что модель человека, выведенная ими из видения западноевропейских перспектив того времени, будет распространена на весь мир как якобы универсальная. Совсем не случайно отцы-основатели США не замечали ничего противоречащего «Биллю о правах» в рабстве выходцев из Африки, поскольку последние не воспринимались ими в качестве личностей. Разве могли выдающиеся интеллектуалы эпохи Просвещения видеть в качестве равных людей едва ли не первобытной эпохи? Либерализм был тогда «либерализмом для своих».

*Лев Дмитриевич Гудков включен в реестр иностранных агентов 14.02.2025

- Маккლოსки Д. (2018). Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции [McCloskey D. (2018). *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce*]. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Мизес Л. фон. (2007). Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции [Mises L. von. (2007). *Theory and History. An Interpretation of Social and Economic Evolution*]. — Челябинск: Социум.
- Нова ли новая Россия? (2016) [*Is the New Russia New?* (2016)] / Под общ. ред. О.И. Шкаратана, Г.А. Ястребова. — М.: Университетская книга.
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. [North D. (2010). *Understanding the Process of Economic Changes*]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [North D., Wallis D., Weingast B. (2011). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*]. — М.: Изд. Института Гайдара.
- Нуреев Р. М., Латов Ю.В. (2016). Экономическая история России (опыт институционального анализа) [Nureev R.M., Latov Yu.V. (2016). *Economic History of Russia (Experience of Institutional Analysis)*]. — М.: КНОРУС.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2010). Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития) [Nureev R.M., Latov Yu.V. (2010). *Russia and Europe: The Path Dependence Effect (The Experience of Institutional Analysis of the History of Economic Development)*]. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта.
- Пелипенко А.А. (2014). Глобальный кризис и судьбы Запада [Pelipenko A.A. (2014). *The Global Crisis and the Fate of the West*]. — М.: Издательство «Знание».
- Розов Н.С. (2011). Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке [Rozov N.S. (2011). *Track and Pass: Macrosociological Basis for Russia's Strategies in the XXI Century*]. — М.: РОССПЭН.
- Россия как цивилизация: материалы к размышлению (2015) [*Russia as a Civilization: Materials for Reflection* (2015)] / Под ред. О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова — М.: Редакция журнала «Мир России».
- Росстат (2022). Реальные денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации в % к соответствующему периоду [Rosstat (2022). *Real monetary incomes of the population by constituent entities of the Russian Federation in % of the corresponding period*]. — Источник: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397#> (дата обращения: 24.10.2022).
- Сото Э. де. (2001). Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире [Soto de. H. (2001). *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else Paperback*]. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес».
- Сото Э. де. (2008). Иной путь: Экономический ответ терроризму. — Челябинск: Социум. [Soto de. H. (2008). *The Other Path: The Economic Answer to Terrorism*. — Chelyabinsk: Sotsium (In Russ.)].
- Травин Д.Я. (2016). Просуществует ли путинская система до 2042 года? [Travin D.Ya. (2016). *Will the Putin System Last until 2042?* — СПб.: Норма.
- Травин Д.Я. (2018). «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. [Travin D.Ya. (2018). *«Special way» of Russia: from Dostoevsky to Konchalovsky*. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я. (2019). Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России. [Travin D.Ya. (2019). *Steep Hills of the XXI Century: Post-modernization and Problems of Russia*. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я. (2022). Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии. [Travin D.Ya. (2022). *How the State Gets Rich... A Guide to Historical Sociology*]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. (2017). Российский путь: Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии [Travin D., Gelman V., Zaostrovcev A. (2017). *The Russian Way: Ideas, Interests, Institutions, Illusions*]. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я., Маргания О.Л. (2004). Европейская модернизация: В 2 кн. [Travin D., Marganiya O. (2004). *European Modernization*. In 2 Vol.]. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica.
- Травин Д., Маргания О. (2011). Модернизация от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара [Travin D., Marganiya O. (2011). *Modernization from Elizabeth Tudor to Yegor Gaidar*]. — М.: АСТ: Астрель; СПб.: Terra Fantastica.
- Федотов Г.П. (1991). Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры) [Fedotov G.P. (1991). *The Fate and Sins of Russia (Selected Articles on the Philosophy of Russian History and Culture)*]. — С.-Петербург: София.
- Фукуяма Ф. (1990). Конец истории? [Fukuyama F. (1990). *The End of History?*] // Вопросы философии. № 3. С. 84-118.
- Хедлунд С. (2015). Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала [Hedlund S. (2015). *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure*]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Эйзенштадт Ш. (1998). Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций [Eisenstadt Sh. (1998). *A New Modernization*] / Под ред. Б.С. Ерасова. — М.: Аспект Пресс, С. 470-479.
- Alesina A., Giuliano P. (2014). Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4. Pp. 898-944.

- Democracy Report 2022 (2022) Autocratization Changing Nature // https://v-dem.net/media/publications/dr_2022.pdf (Дата обращения: 24.10.2022).
- Harari M., Tabellini G. (2015). The Effect of Culture on the Functioning of Institutions // *Culture Matters in Russia — and Everywhere: Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict* / L. Harrison, E. Yasin (eds.). — London: Lexington Books. Pp. 245–265.
- McCloskey D. N. (2010). *The Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. — Chicago: University of Chicago Press.
- McCloskey D. N. (2016). *The Bourgeois Equality: How Ideas, Not Capital or Institutions, Enrich the World*. — Chicago: University of Chicago Press.
- North D.C. (2008). Institutions and the Performance of Economies Over Time // *Handbook of New Institutional Economics* / C. Menard, M.M. Shirley (eds.). — Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. Pp. 21–30.
- Roland G. (2020). Culture, Institutions and Development // *The Handbook of Economic Development and Institutions* / J.-M. Baland, F. Bourguignon, J.-Ph. Platteau, Th. Verdier (eds.). — Princeton & Oxford: Princeton University press. Pp. 414–448.
- Statistics Times (2021). Gross World Product per Capita // <https://statisticstimes.com/economy/world-gdp-per-capita.php#:~:text=Gross%20world%20product%20per%20capita%20is%20obtained%20by%20adding%20the,obtained%20by%20data%20from%20IMF> (дата обращения: 24.10.2022).

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaoztrovstev

*PhD (economics), professor, National Research University – Higher School of Economics (St.-Petersburg).
zao-and@yandex.ru*

THOSE WHO COMPREHEND HISTORY: A REVIEW OF DEVELOPMENT CONCEPTS (ON D.YA. TRAVIN'S BOOK "HOW THE STATE GETS RICH... A GUIDE TO HISTORICAL SOCIOLOGY")

Abstract. The article presents a review of the book, in which its author developed a wide panorama of the theory of modernization. This is indeed a very useful work, revealing different views on the global picture of development and backwardness. The text is well structured, which makes it possible to unite in separate chapters the concepts of the authors describing one or another component of this picture. As an encyclopedic reference book, the work is extremely necessary for anyone who wants to delve into what its author calls historical sociology in a short period of time. At the same time, he not only briefly outlines other scientist's concepts, but also gives them his own assessment. And this fact allows us to conduct a critical analysis of the views of one of Russia's leading specialists in the field of modernization. It shows that the contradictory reality has made the theory no less contradictory. A number of countries, which should have already become democratic, stubbornly refuse to do so. The author of the book, following his vision, still tries to defend the theory of modernization and tries to avoid this issue. His arguments in favor of the modernization are contradictory, but, admittedly, they make you think and look for counterarguments. The book often draws conclusions in relation to Russia. Its author believes that the process of modernization in it will be completed sooner or later, but successfully. He resolutely rejects the determining influence of culture on the historical process and the forms of its implementation. The controversy with this and a number of other controversial statements does not negate his achievements in the field of building an effective structure for presenting the material, demonstrating excellent awareness of the concepts of many authors, including a number of leading institutionalist economists. The book provides an opportunity to keep abreast of the current state of affairs in the field of institutional history as a relatively new area of research.

Keywords: *historical sociology, modernization, institutions, culture, empires, revolutions.*

JEL: N10, N40, O10, Z13.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Заостровцев А.П. (2023). Постигающие историю: обзор концепций развития (О книге Д.Я. Травина «Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии») // Вопросы теоретической экономики. №1. 2023. С. 142–155. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_142_155.

FOR CITATION: Zaoztrovstev A. (2023). Those Who Comprehend History: a Review of Development Concepts (On D.Ya. Travin's book "How the State Gets Rich... A Guide to Historical Sociology") // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 1. 2023. Pp. 142–155. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_142_155.